

БИБЛИОГРАФИЯ

«Современные Записки»

(I—XXVI. Париж 1920—1925 гг.)

«Воля России»

(1922, 1925, 1926 гг. № I—II. Прага)

Уничтоженный Революцией, русский толстый журнал, едва кончилась гражданская война, возродился в эмиграции. Первый номер «Современных Записок» вышел через несколько дней после оставления Крыма армией Врангеля. Вскоре возобвилась и «Русская Мысль». Неслучайно (хотя на это были и случайные причины), что из двух журналов выжил тот, который связан не с новой предреволюционной, марксистско-империалистской, а со старой, народнической и социалистической, традицией русской интеллигенции.

В самом имени «Современных Записок» — воспоминания о Некрасове, о Чернышевском, о Михайловском — «Современник» — «Отечественные Записки». Это магистраль интеллигентской культуры, как партия с.-р. микрокосм интеллигенции, равнодействующая ее направлений. Неслучайно поэтому что после крушения интеллигенции, — произошедшего всего через восемь месяцев после крушения породившей ее Петербургской монархии, — главное из того что от нее уцелело, оказалось на эсерском плоту. Неслучайно, что эсерам пришлось играть роль культурных консерваторов. Роль эта у них приняла по необходимости своеобразные формы: они консерваторы неосуществленных идеалов, консерваторы того, что само никогда не имело вещественного бытия, консерваторы революционного порыва, вдруг застывшего *движения*. С ними осуществилось то, что только в умозрении видел Зенон Элейский. Они — Зенонова стрела недвижная в полете,

Qui vibre, vole et qui ne vole pas.

Трагическое и роковое противоречие. Сохранить ли *содержание* движения, или *принцип* движения? — вот задача, которую

должны были разрешить эсеры. — «Правые» эсеры предпочли консервировать то, что было движимо движением в отныне недвижимой форме.

«Современные Записки», орган правых эсеров — орган русского либерального консерватизма (ясно, что «Вишняк» а не «Струве», имеет право на это имя): содержание либерализм (а конечно не социализм, который сохраняется только как почтенное имя), — волевая форма — консервативна.

Так в «политике». В литературе позиция «Современных Записок» чистая, почти беспримесная установка на прошлое. Такая установка возможна, и — *sub specie saeculorum* — законна. Инерция вчерашнего дня всегда велика, и иногда лучший цвет литературного движения расцветает после смерти движения, «Звук еще звенит, хотя причина звука исчезла». Литературно, — «Современные Записки» — инерция предреволюционной России.

Заслуги «Современных Записок» перед русской литературой, конечно, велики. Как добрые консерваторы, они сохранили и передают потомству все то, чего писатели не успели написать до Революции. От того что не успели не следует, что уж не стоило дописывать потом — лучше поздно чем никогда, и не во время дописанная вещь, если она действительно велика, теряя от несвоевременности появления для современников, ничего не теряет для будущего. Будущее и будет судить, дали ли «Современные Записки» такие сверхвременные создания.

Обозревая содержание журнала за пять лет, надо различать между основным ядром его и периферией. Периферия — случайные, не связанные с существом («душой») журнала гости — Андрей Белый, Ремизов, Шестов, Марина Цветаева. Ядро это собственно «зарубежная» литература — Мережковские, Бунин, Алданов, Ходасевич, Зайцев, — все разные грани либерального консерватизма. Близки к ядру «персонально», но не по существу, Бальмонт и Степпун. Бальмонт так же мало по существу консервативен, как птица небесная, или ребенок. Его консерватизм (с такой трогательной наивностью выраженный в статье о «Русском Языке») обида ребенка на то, что чужие, злые люди разорили мир его мечтаний. Степпун, наоборот, гораздо сложнее, гораздо более змий (по мудрости), чем остальные сотрудники «Современных Записок». В его, на вид столь большой, искренности есть отрешенность и «олимпийская» безответственность стороннего наблюдателя, который все видит, все понимает, все скажет, но никогда ничего

не делает. Он духовно сродни Вячеславу Иванову («Люблю я пышное природы увяданье») и в великолепном богатстве его почти барочной мысли есть тонкое дыхание глена.

Литературное ядро «Современных Записок» разнообразно; и объединено признаком скорее отрицательными: ненавистью, более или менее брезгливой ко всему новому. Различны же они во всем: от ясного и ровного, хотя и неяркого, дневного света Алданова, до истерического хаоса Мережковского; от изощреннейшей культуры Зинаиды Гиппиус, до принципиальной (и природной) уездности Бунина; от чрезмерной ссохнутости и морщинистости Ходасевича, до воздушной (воздушный пирог, и такой же розовый) пухлости Зайцева, — все оттенки.

По «культурному возрасту» (геологический возраст) тоже большое разнообразие: Бунин, Зайцев, Алданов — еще до-символистская культура, Мережковский — первые «бездны» и первые «тайны» девятых годов. Гиппиус и Ходасевич — Достоевщина, прошедшая через реторты всех ранне-символистских софистик. По значительности своей они тоже не равномерны: Мережковский если когданибудь и существовал (не как личность, конечно, а как жолоб, по которому переливались порой большие культурные ценности) перестал существовать, по крайней мере, двадцать два года тому назад. Зайцев был когда-то близок к тому, чтобы засуществовать, но не осуществился: не нашлось той силы, которая могла бы сжать до плотности бытия его расплывчатую газообразность. Многим выше этих двух — Алданов, редкий у нас пример писателя более умного чем творчески сильного, с настоящим, не творческим, и не очень широким, но подлинно историческим зрением; Ходасевич, маленький Баратынский из Подполья, любимый поэт всех тех, кто не любит поэзии; и особенно две подлинно большие (очень по разному) фигуры Зинаиды Гиппиус и Бунина. Но Зинаида Гиппиус видна во весь рост только изредка в немногих стихах. Эти немногие стихи принадлежат к самым подлинным, самым острым, самым страшным выражениям Подпольного начала в русской поэзии (настолько же сильней Ходасевича, насколько «Господа Головлевы» выше Леонида Андреева). Подлинная Зинаида Гиппиус, конечно, ни в какой мере не консервативна и не «благонамеренна». Но эта подлинная, — обернута в «семь покрывал» общественно-религиозно-философской деятельности, призванной обосновать «курс на религиозное преобразование демократии». Ни с «религией» (поскольку на «религии» можно

обосновывать какие-нибудь курсы), ни с демократией, подлинная Зинаида ничего общего конечно, не имеет. Наконец, Бунин «краса и гордость» русской эмиграции, столп Консерватизма, высоко держащий знамя Великого, Могучего, Свободного и т. д. над мерзостью советских сокращений и футуристских искажений — чистая традиция «Сна Обломова». Бунин редкое явление большого дара не связанного с большой личностью. В этом отношении Бунин сродни Гончарову, которого он, я думаю, в конце концов не ниже. Именно о третьей и четвертой части «Обломова» (единственное подлинно большое, почти гениальное у Гончарова) вспоминаешь в связи с «Суходолом».

«Суходол» очень большая вещь: никто (кроме конечно Салтыкова в «Господах Головлевых») не дал такого страшного, убедительного, гнетуще-неизбежного эпоса о гниении и умирании уездного дворянства. Смерть, и даже не смерть, а страшное и гнусное предсмертие (*facies hippocratica*) целого класса никогда не вставала в более безнадежном, не величии, а ужасности.*)

В «Современных Записках» (да и нигде) Бунин не дал ничего равного «Суходолу». «Митина Любовь», самая, по мнению многих, замечательная, вещь напечатанная в «Совр. Зап.», приятна, спору нет, и в лучших местах похожа, не фотографически, и ученически (и это хорошо), на памятные страницы Толстовского «Дьявола». Но, конечно, если судить по «Митиной Любви» о зарубежном творчестве — росту оно небольшого. И как она бледнеет и меркнет перед подлинной жизнью «Детства Никиты». В конце концов, ядро «Совр. Зап.» не дало в романе ничего равного, напечатанному со стороны, «Преступлению Николая Летаева»; в поэзии вещам Марины Цветаевой напечатанным не в них; в философии «Гефсиманской Ночи» «гастролера» Шестова.

Несмотря на это роль их почтенна. Задачу свою, как они ее видят, редакторы исполняют честно и удачно, и имена их имеют право на соседство в русской памяти с именами почтенных либерально-консервативных редакторов прошлого — Плетнева, Стасюлевича и Гольцева.

Другая из двух душ, сожигательствующих в эсерской груди нашла себе вместилище в ее «левой» половине — в «Воле России».

*) Не случайно Пильняк (ученик Бунина в гораздо большей мере чем Белого или Ремизова) облюбовал из всего Бунина именно «Суходол».

Левое эсэрство *) гораздо лучше (хотя тоже не в полной чистоте) сохранило волевую традицию Народной Воли («Воля России») и героического периода партии С.-Р. «Воля России», конечно, самый живой из эмигрантских журналов (и газет, и так как в С.С.С.Р. — со смерти *Лефа* живых журналов нет, вообще на русском языке). Главное его отличие от «правого» собрата — интерес к мировой жизни; отсутствие «курса на религиозное преобразование», столь несовместимое с духом интеллигентской революционности; большая чуткость ко всему что делается в России; и предоставление слова инакомыслящим (вроде Пешехонова), что делает «Волю России» самым свободным журналом эмиграции (хотя в основной их линии нет и тени «соглашательства»). По замыслу «Воля России» менее литературна чем «Современные Записки», и литературного «ядра» у ней нет. Но и тут она открытее и шире своих соседей справа. Так «Воле России» принадлежит честь первого перевода на русский язык величайшего романиста новой Европы — Марселя Пруста. В первом номере за этот год она дает новую драму Роллана. («Современные Записки», издаваемые в Париже, совершенно игнорируют — такие уж Евразийцы всю современную культуру Запада). В критическом (довольно скудном по пространству) отделе — большое и не предубежденное внимание к «Советской литературе». Внимание не всегда умеющее разобраться (общий уровень критического умения, таланта и культуры в «Воле России», конечно, гораздо ниже «Совр. Записок») но добрая воля к пониманию настоящего и будущего есть, и это главное. Художественной литературы в «Воле России» не так много, как в «Современных Записках». И нет той «среды», того воздуха, определенного литературного направления. Зато, и оттого Ремизов и Марина Цветаева тут не кажутся такими случайными как там. 1925 год особенно прошел под знаком Марины Цветаевой. «Крысолов», занявший шесть номеров — «патент на благородство» напечатанного его журнала перед судом Истории Литературы. Больше чем все двадцать шесть книг «Современных Записок» он доказывает что *отыскан след Тарасов*, и что Россия жива не только в границах Русского мира, но и в царстве Духа, превыше всех границ.

Кн. Д. Святополк-Мирский

*) Не «партия левых с.-р.» конечно, а левое крыло партии с.-р. Партия левых с.-р. любопытное явление, но совершенно сюда не относящееся.

БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ

Книга II Март-Апрель.

Мы давно отвыкли встречать и в толстых и в тонких журналах фамилии нам неизвестные. «Современные Записки» это музей и часто — паноптикум. В «Воле России» преобладание политики над литературой почти неумеренное. «Своими Путиями» не может пока что выйти из круга своих пражских читателей. «Звено» узурпированное небольшой группой спедефических поэтов, за последнее время превратился в пустой и не нужный журнал. «Благонамеренный» пока что единственный журнал, решающийся печатать произведения, неподписанные громкими именами.

В этом его первая и главная заслуга.

Во второй книжке «Благонамеренного» останавливаешься на трех именах до селе почти неизвестных: Еленев, Эфрон, Соболев.

Пражская легенда Еленева «Синагога» написана хорошим языком, — ровная, без сучка и задоринки. Но уже в этой ровности есть некоторая обреченность.

Рассказ С. Эфрона лаконичный, точный, — отточенный. Тех, кто еще болен «одноглазьем», кто по наслышке привык считать «белую» армию безупречной, тема рассказа отпугнет. Но и они должны будут признать умение и даже мастерство, с которым этот рассказ написан. Ибо и с капитаном Рыбиным, и с господином Исааком Рабиновичем, и с госпожой Розой Рабинович мы все были знакомы и узнаем их в лицо.

И тех троих, чьи трупы были занесены случайным снегом, мы не забыли и будем помнить.

Повесть Д. Соболева — «Москва». Точнее: «Буянов тутик за Москва-рекой» вблизи улицы святых Иоакима и Анны (прозванной «Якиманкой») собственный дом купца первой гильдии Никиты Феотистовича Судош-

кина, насупротив колоннальной и мелочной торговли Петра Колозова.

Темп повести медленный и ровный (даже ровна-ай, со вторым ударением на а). Так медленно течет летом обмелевшая Москва-река. И странно — гроза и появление в дверях паралитической Олимпиады Игнатьевны — не пугают. Действия в повести нет (и не может быть). Главное — «Прямо в глаза вани глядят глубокие очи Пречистой — «Утоли моя печали», — левее — Божья Матерь «Казанская», кроткая, потом Владычица «Тихвинская» темнеет, в скорби своей склонившись; направо — истощенные и прекрасные выступают черты Иверского Лика, над ним высится светлый и тихий образ голубоокого Господа Нашего Иисуса Христа — «Спас благого Молчания».

На всем протяжении вещи автор убеждает в крепости своей художественной хватки.

Теперь о писателях с большим литературным именем.

«Страды Богородицы» Ремизова поистине великолепны («великолепны» — это слово не подходит, но другого не могу найти). Читая их содрогаешься и радуешься — бездонная чистота и чистая, глубокая высота. Как в молитве — лучшие, прекраснейшие слова.

Статья М. Цветаевой «Поэт о критике» вызвала возмущения и нарекания. Ни один критик (или почитающий себя таковым) не прочтет ее равнодушно. Короткая и сжатая фраза, как удар хлыста. Направленная против всех, насильственно завладевших правом похвалы и осуждения, статья эта полезное чтение для многих, — о, очень многих.

К статье приложен «Цветник» — отрывки из статей Г. Адамовича. «Цветник» замечательный.